

ПЛАТОН

ФЕДР

Диалоги

Платон

Федр

«РИПОЛ Классик»

УДК 11
ББК 87.3

Платон

Федр / Платон — «РИПОЛ Классик», — (Диалоги)

«Федр» — один из диалогов Платона. В «Федре» показана философская беседа Сократа с Федром, частым собеседником Сократа и, по свидетельству Диогена Лаэртского, любимцем Платона. В этой беседе Сократ отвергает ложное красноречие и доказывает, что диалектика должна быть ценной только при условии, что она опирается на истинную философию. Раскрывается значение истинной любви, изображение любви связывается с рассмотрением природы души. В «Федре» запечатлены важные стороны учения Платона об «идеях», об их познании, о прекрасном, о постижении прекрасного и любви к прекрасному.

УДК 11
ББК 87.3

Содержание

ФЕДР	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Платон ФЕДР

ФЕДР

В диалоге участвуют

ФЕДР

СОКРАТ

Сократ. А, любезный Федр! Куда и откуда?

Федр. От Лисия, сына Кефала, Сократ; иду прогуляться за городской стеной: я ведь провёл у него все время, с самого утра. А по дорогам прогуливаюсь потому, что исполняю предписание моего и твоего друга Акумена: он говорит, что прогулка там не столь утомительна, как в дромах.

Сократ. Акумен говорит хорошо, друг мой. Так Лисий уже в городе?

Федр. Да, у Эпикрата, в том доме Морихия, что подле олимпийского храма.

Сократ. Чем же вы там занимались? Уж конечно Лисий угощал вас речами.

Федр. Узнаешь, если имеешь досуг идти и слушать меня.

Сократ. Как, разве ты думаешь, что для меня, говоря словами Пиндара, не выше и самого недосуга слушать о твоей беседе с Лисием?

Федр. Так иди же.

Сократ. Лишь бы говорил.

Федр. Изволь, Сократ. Да это как раз и пристало бы тебе послушать, потому что предмет нашей беседы – не знаю, уж отчего так получилось, – случился любовный. Лисий, видишь ли, написал, каким образом одного красавца сманивал человек, в него не влюбленный. Но хитрость-то именно в следующем: он говорит, что должно быть благосклонным более к тому, кто не любит, нежели к тому, кто любит.

Сократ. О благороднейший человек! Если бы он еще написал, что лучше быть благосклонным к бедному, чем к богатому, лучше к старику, чем к молодому, и так обо всем, что выгодно для меня и для многих из нас! Подобные речи как были бы любезны и полезны народу! Теперь у меня такая охота слушать, что если бы ты свою прогулку сделал даже к Мегаре и, дошедши до ее стен, по совету Геродика, предпринял обратный путь, то и тогда я не отстал бы от тебя.

Федр. Что ты это говоришь, почтеннейший Сократ? Могу ли я, человек простой, надлежащим образом припомнить все, что Лисий, превосходнейший из нынешних писателей, сочинял долго и на досуге? Куда уж мне! Хотя, конечно, я более хотел бы этого, чем большого богатства.

Сократ. О Федр, если я не знаю Федра, то забыл и себя; но нет – ни то ни другое. Мне очень хорошо известно, что, слушая речь Лисия, он слушал ее не один раз, но приказывал повторять себе многократно, и Лисий охотно повиновался. Ему и этого было мало; наконец он взял свиток, пересмотрел все, что особенно хотел, просидел над этой работой с самого утра и

потому, клянусь собакой, изучив наизусть все сочинение, если только оно не слишком длинно, и утомившись, как мне кажется, пошел прогуляться. Пошел он за городскую стену, чтобы предаться размышлению, но встретился с человеком, который страдает недугом слушания речей, увидел его – увидел и, обрадовавшись, что найдет в нем такого же поклонника, приказал ему идти с собой. Когда же этот любитель речей стал просить его пересказать слышанное, он начал жеманиться, как будто бы ему не хотелось; а окончил бы тем, что пересказал бы и насильно, если бы не слушали его по доброй воле. Итак, сделай теперь, Федр, по моей просьбе то, что весьма скоро сделаешь ты и без просьбы.

Федр. Для меня и в самом деле гораздо лучше пересказать тебе как могу. И ты, кажется, не оставишь меня, пока я как-нибудь не закончу своего рассказа.

Сократ. Да и очень справедливо тебе кажется.

Федр. Я так и сделаю. Но ведь слова-то, в самом деле, Сократ, я всего менее заучил, а мысли о том, какие преимущества на стороне влюбленного и невлюбленного, заметил почти все и, начиная с первой, в общих чертах и по порядку изложу тебе каждую.

Сократ. Покажи наперед, любезный, что ты там держишь в левой-то руке, под плащом. Я догадываюсь, что это-то и есть у тебя та самая речь. А если так, то вот какое имей обо мне понятие: сколько я ни люблю тебя, но не допущу, чтобы ты учил меня и в присутствии Лисия. Нука покажи.

Федр. Перестань, Сократ. Ты лишаешь меня надежды испытать с тобой свои силы. Но где же нам расположиться для чтения?

Сократ. Повернем сюда и пойдем по берегу Илуса, а потом сядем себе в тиши, где понравится.

Федр. Кстати, кажется, случилось, что я босиком: ты-то уж всегда так. Освежая ноги водою, мы будем идти с большею легкостью и приятностью, особенно в это время дня и года.

Сократ. Иди же вперед и смотри, где бы нам присесть.

Федр. Видишь ли тот высокий платан?

Сократ. Так что же?

Федр. Под ним есть тень и легкий ветерок, на той мураве мы можем сесть, а если захотим, то и лечь.

Сократ. Ступай же.

Федр. Скажи мне, Сократ, не здесь ли то место на Илусе, с которого, говорят, Борей похитил Орифию?

Сократ. Да, говорят.

Федр. Так неужели здесь? Воды действительно приятны, чисты и прозрачны, так что только девицам и резвиться в них.

Сократ. Не здесь, а ниже, стадии две или три не доходя до храма Агры. Там, кажется, есть и жертвенник Борею.

Федр. Что-то не заметил. Но скажи, ради Зевса, Сократ, думаешь ли ты, что это предание справедливо?

Сократ. Не было бы странно, если бы я, подобно людям мудрым, и не верил ему. Умствуя, как они, я сказал бы, что Борей был ветер, который, когда Орифия резвилась с Фармакеей на ближних скалах, низверг ее оттуда. Это-то и подало повод говорить, что покойница увлечена Бореєм, иначе, с Аресова холма; ведь рассказывают и так, что он похитил ее не отсюда, а оттуда.

Я думаю, Федр, что для подобных детских сказок нужен человек очень сильный, трудолюбивый и не слишком избалованный счастьем, по той единственно причине, что, кроме сего, ему надобно еще трудиться над исправлением вида гиппокентавров, потом химер, за которыми нахлынет целая стая горгон, пегасов и других необыкновенных природ, ужасающих своим множеством и своею уродливостью. Если бы неверующий, пользуясь какою-то дикою мудростью, захотел басне о каждом из этих чудовищ придать некоторое правдоподобие, то ему понадоби-

лось бы много досуга, а у меня для этого его вовсе нет. Причина та, друг мой, что я еще не могу, по смыслу дельфийской надписи, познать самого себя, а ведь смешным представляется, не зная этого, исследовать чужое. Итак, оставляя подобные предания в покое и веря тому, что о них думают, я, как сейчас сказано, рассматриваю не это, а себя: зверь ли я, много сложнее и яростнее Тифона, или животное кротчайшее наипростейшее, носящее в своей природе какой-то жребий божественности и незлобия. Но позволь мне прервать свою речь, друг мой; не это ли то дерево, к которому ты вел нас?

Федр. Да, это самое.

Сократ. Клянусь Герой, прекрасное убежище! Этот платан очень развесист и высок, рост и тень этого агнца превосходны – и какова же сила его цвета! Он может распространять благоговения по всему месту. Или опять – этот текущий из-под платана игривый источник столь холоден, что прохлада его вод ощутима даже для ноги. Судя по девическим изображениям и статуям, можно полагать, что это место было посвящено каким-нибудь нимфам и Ахелюю. Сверх того, если угодно, как приятен и сладок здесь ветерок! Его летний шелест вторит хору цикад. Но всего роскошнее эта мурава; легкая покатошь ее обещает склоненной голове удобное положение. Отличный проводник ты, любезный Федр!

Федр. А ты-то, чудак, представляешься чрезвычайно странным. Ты просто говоришь так, чтоходишь не на местного жителя, а на какого-нибудь иностранца, которому нужен проводник. Как же можно не отправляться из города в окрестности и даже, кажется, вовсе не выходить за его стену!

Сократ. Извини, почтеннейший, я ведь любознательный, но поля и деревья не хотят ничему научить меня, а люди – в городе. Вот ты-то, кажется, нашел средство вывести меня за город; потому что ты, подобно тому как ведут за собой голодную скотину, показывая ей зеленую ветвь или какой-нибудь плод, показываешь мне речи в свитке и, по-видимому, намерен водить меня по всей Аттике куда угодно. Впрочем, пришедши теперь сюда, я думаю лечь. А ты, избрав положение, удобнее для чтения, начинай читать.

Федр. Так слушай:

О моих делах ты знаешь и, как я думаю, слышал, что они будут полезны нам, если это состоится. Надеюсь, что ты не отвергнешь моей просьбы – именно потому, что я не влюблен в тебя. Влюбленные, когда страсть умолкает, раскаиваются в добрых своих делах, а у невлюбленных нет времени, в которое надлежало бы им раздумывать, – оттого что они всего лучше заботятся о домашнем, делают добро не по необходимости, а произвольно, сколько позволяют им силы.

Притом влюбленные наблюдают, что худого произошло у них из-за любви и что сделали они хорошего, и, присоединяя к этому понесенные хлопоты, думают, что их любимцам давно уже воздана должная благодарность. Напротив, невлюбленные по этой самой причине не могут ни выдвинуть предлогом нерадение о домашних, ни считать понесенные хлопоты, ни искать в этом причин размолвки с ближними; так что, отклонив столько зол, им не остается ничего более, как усердно делать все, что признают они для себя приятнейшим.

Притом опять, если влюбленных надобно высоко ценить, потому что они, как говорят, слишком любят тех, в кого влюблены, и что, в угоду своим любимцам, готовы словом и делом ненавидеть всех прочих, то легко понять, что те же самые влюбленные, если слова их справедливы, каждого из будущих своих любимцев предпочтут настоящим, причем даже в том случае, если тот захочет причинить им зло. Да и как можно подобное дело вверять человеку, впадшему в столь великое несчастье, что его никакой опытный человек не мог бы отвести? Ведь они и сами признаются, что более страдают, чем мыслят здраво, и, зная худое состояние своих мыслей, не имеют силы владеть собой. Как же могут здравомыслящие почитать хорошим то, чего желают такие больные? К тому же если бы ты захотел избрать самого лучшего из влюбленных, то избирал бы из немногих, а избирая из прочих, кто для тебя пригоднее, будешь избирать

из многих. Ведь гораздо более надежды встретить человека достойного дружбы в толпе многочисленной.

Если же ты боишься установившегося обычая, то есть как бы люди, узнав об этом, не стали поносить тебя, то влюбленные, думая, будто и другие завидуют им, как сами они друг другу, вероятно, с высокомерием расскажут и тщеславно откроют всем, что они недаром хлопотали; напротив, невлюбленные, будучи лучше их, вместо людской молвы изберут самое лучшее.

И еще, влюбленных по необходимости замечают, видя, как они и с какою заботливостью следуют за любимцами; так что, когда им случится разговаривать между собой на виду у людей, все думают, что разговор у них либо о прошедшей, либо о будущей страсти; напротив, невлюбленных никто не станет винить за беседу, зная, что нужно же говорить о дружбе или о каком ином удовольствии.

Притом если страшит тебя мысль, что нашей дружбе трудно быть постоянной и что в случае нашего разлада, хотя бы и от другой причины, мы оба подвергнемся неприятностям, то еще более, конечно, должен ты страшиться влюбленных, представляя, что потеря всего для тебя драгоценного нанесет величайший вред тебе одному. Ведь они огорчаются всякой бездельницей и думают, что все направлено к их вреду, а потому удаляют своих любимцев от обращения с другими, боясь, что они найдут в ком-нибудь либо богача, который превосходит их своими деньгами, либо ученого, который выше их по уму, – вообще опасаются силы каждого, кто приобрел какое-нибудь благо. Внушая тебе держаться вдали от подобных людей, они ставят тебя вне дружеского общества; а когда ты, имея в виду свое, станешь размышлять лучше их – выйдет размолвка. Напротив, те, которые выиграли желаемое дело не любовью, а добродетелью, не будут завидовать общающимся с тобой людям, а возненавидят не желающих этого в той мысли, что последние оказывают тебе презрение, а первые – услужливость. Следовательно, есть надежда, что отсюда произойдет гораздо более дружеских, чем враждебных чувств.

Сверх того, многие из влюбленных обретают страсть к телу, прежде чем узнали нрав и развели о других свойствах, так что им еще не известно, захотят ли они остаться друзьями и тогда, когда страсть умолкнет. Что же касается до невлюбленных, то и прежде, будучи дружны, они делали это; а потому невероятно, чтобы их дружбу уменьшило такое дело, из которого для них проистекает удовольствие, скорее она останется памятником для будущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.